

Таня
Мама

Шабаренина

«МОИ БЕССМЕРТНЫЕ ДРУЗЬЯ, Я ВАС ЛЮБЛЮ! ЖИВИТЕ ВЕЧНО...»

Ушла Таня. Её величество Таня уйти не может: вышла в иную плоскость, в Зазеркалье сохраняющихся величин. Азовская – величина среди многих и многого. Член Союза писателей: России, Казахстана. Поэт, журналист. Знаковое имя в городе, известность в широких литературных... «Порода», как говаривали казаки, дабы подчеркнуть чью особенность, божью мету. И сама «божья мета» горда за принадлежность к казачьему роду-племени:

...до каждой чёточки похожа.
Наш рот упрям и взор наш тих,
Но чур, не обманись, прохожий.

По библейскому писанию: сначала было Слово. – «Но прежде слова было детство» – возразит поэт. По одной строке ясно: поэт настоящий! Татьяна Азовская – автор пяти поэтических сборников. Все – о любви: к родным-любимым, к жизни самой.

А что ещё? Любовь к земле?
Не вымолвлю. – Тяжёлый жребий.
Но для того, чтоб видеть небо,
Она необходима мне.

Пред именем уралчанки были распахнуты газеты-журналы той ещё, Необъятной. «Живу на пограничной полосе», – пояснит. И сама же удивится:

Каким крылом меня касалась Русь?
Какой свободой Азия касалась?

И столько там, внутри, всполохов, удивлений, рифм к улочке детства – Буянной, что выплеск их – вместе с Буянной: на город, на безграничное, которое

«простор –
читается ещё просторней –
воля!»

Энергетика слова Азовской, особо в стихах о Родине, прям, – «из-за острова на стрежень». К Уралу – как к божеству. А то, как к младенцу: «Спи, мой Урал, до будущей весны».

Поэты – собственники: «мой город, моя звезда». Не все убедительны. Татьяна – вполне: её река!

Здесь мать моя глядела на разлив.
Чтобы, когда покинут гнёзда птицы,
Глаза последней дочери могли
Уральною волною отразиться.

Отразились: и волной, и строкой – не надо ДНК. Урал ещё никто не воспел, как Таня. И не увидел, что всё ещё произойдёт...

И поколения обнаружат связь
Надёжную по языку и вере,
И русской песней, что судьбой сбывлась,
Как половодьем, захлебнётся берег.

...Есть у поэта строки, как со злата доньшка!

Страницу городской газеты «Пульс» редактор отдала юным стихотворцам: проба пера. Рифмовали. Абры-кадабры хватало: терпеливо разбирала почту... Иногда звонила: – Слушай... И было чему удивиться, восхититься, улыбнуться и более того. Смех у Тани, не знаю, – сдерживаемая стихия. И всё равно, без рамок:

Не уместаясь в рамки и оправы,
Что так поспешно создаёт молва,
Твори себя и не играй со славой:
У мастерства жестоки жернова...

Это уже о другом: себе, мне, может быть, тем, кто только пробует сопротивление слова и его отдачу...

Простота, раскрепощённость. Душа любой компании, даже случайной. Уральские байки умела подать на Первое, Второе и на десерт. Покоряла обаянием – вот уж чего – ни на вес, ни на розлив. ...Врождённое это.

Празднуй, сад, свой щедрый праздник!
Празднуй, жизнь, свой яркий полдень!..

Собственно, Таня и была полднем, праздником: компании без неё рассыпались...

Перелистываю «Избранное». За корочками время, где избираться ещё нечему: молодое... С голубоглазой студенткой, комсомолкой познакомил литературный бомонд. Сошлись в лёгких дружбах. Приглашена, иду... «Течёт Урал из дальней старины»... Буянная – оттуда ж... Дома – как струги. Надёжны, если их подмазывать: дворик, крытый небом, таз с глиной, Таня – штукатурит. Уже и фартук, и небо в белых разводах...

Строгая, прямая, Танина мама с оглядом: так ли? Всё так: дочка прозу домашнего труда ухнет в стихи:

...лишь почему-то сдобью пахнет глина
и горизонт в отливах янтаря...

...От нынешней стряпни на разбавленном зерне, того, хлебного, не исходит. Моему ль поколению, вылепленному из послевоенных глин, не знать, не чують? То был дух, от которого жизненные пространства называют Отечеством:

А мама долго смотрит на закат,
Что с небосвода по стволам стекает.
И как услышав мой тревожный взгляд,
Вдруг обернётся: благодать какая!

Благодать от самой Елизаветы Ананьевны. Сколько лиц растаяло в полувековой дымке. А её, умеющее «слышать взгляд» – за каждой строкой...

Она варенье достаёт,
И в этом акт священнодействия.

Кажется, что стихи о Доме выведены не пером – кистью: воскрешают всё и вся, со всеми оттенками. И даже ароматом:

Разлит по чашкам крепкий чай –
Беседы сладостной уловка.

Застолье. Чай втроём.

– Томка, – говорит Таня, – давай свой «сентябрь».

Читаю. Слушают окна светёлки, которую возвышает обязательный атрибут здешних домов: подклети. Полки книг и стопариком – исток моих воздыханий, оглушительные тогда: Ахмадулина, Евтушенко, Вознесенский. Верно, из-под полы где... Многотысячных тиражей читающей стране не хватает. Поэтам-шестидесятникам внимают площади. Провинция ловит радиоволны. На Уральной волне – литературной среды. Мы ещё застали имена, что сегодня – книжками. Для Тани значимы Ирхин, Бузунов. Бузунов – просто Валька. Вальку – наизусть. «Онегина» – тоже. Самый ближний для её души всё-таки Пушкин:

Лишь он один той красотой красив,
Которую земле дарует чудо.
И отступить пред нею так же трудно,
Как воздержать её не хватит сил.

Таня – приверженка классического стиха. Блок, Пастернак... А откуда растём?

День рождения Азовской пришёлся на цветаевский. Тайна мироздания – тайной. Но шестое чувство... Всё, что может собрать поэт о поэте – соберётся, осмыслится:

Выбирала не лёгкий путь.
Словно не было выше долга –
Хоть посмертно душе вернуть
Лебединый простор над Волгой.

Портрет Марины Цветаевой на Танином столе...

И холод чуда обжигает плечи.
 Влечёт, как пропасть, присмиривший зал,
 Где ждут неумолимые глаза
 Тебя, чтобы принять или отречься.

...Вечер творчества Азовской в театре. Держать публику словом легко ли? Но если слово – магия...

Всё выпукло, всё памятно. Всё было вчера...

В Татьянинных гостях: я из Простоквашино. Даден на знакомство новенький Вознесенский. На недельку. Но заглядываю в Танину тетрадь...

Я тут своя. Никто не строг ко мне,
 И коромысло мне спины не горбит.

Мне тоже. Как-то помогла подруге в её «водоносном» труде. Поднималась «по выбитым крутым ступенькам»... Дабы не выплеснулся Урал, на бадейках – лопух: ждали полива грядки. Забылось бы... Но идёт с коромыслом женщина. Величаво несёт свою земную ношу. А откуда растут стихи – знают только поэты.

Мой край, где так легко дышать,
 Исполнен прочности и смысла.
 Здесь бабы носят коромысло
 С водой и выверяют шаг.

– Ты моя подруга.

– А ты моя.

– Прости.

– И ты прости... – простились наши телефоны. «Прощённый день» только один в году. А нам бы пять! ...Последний год. Кто ж знал, что последний, мы вечны. Но болезнь...

С Наташей Смирновой, зная о рисках, приговорили Таню к жизни: «Она сильная! Она победит!»

Вернулась из больницы. Полна надежд: читает «Таниным голосом», «во время болезни голос менялся». Слушаю главу из Онегина. Трубка влажнеет... Года три – и Таня допишет книгу. Затворница, будет выходить на прогулки...

– Приеду, – обещаюсь.

– Знаю, – смеётся, – через Париж и пешком. Шоколад не приноси.

«Приду пятого, – программирую себя, – в святой день пенсии».

Пятого звонок от Наташи...

Жизнь продолжается, дразня,
 Чередованьем быстротечным.
 Мои бессмертные друзья,
 Я вас люблю! Живите вечно.

